

Лю Фушу тоже очень хотел, чтобы император всё обдумал. В основном потому, что репутация этого военачальника была не из лучших. Хотя он и не знал поражений, но славился жестокостью и кровожадностью. В ежегодных военных расходах, предоставляемых ко двору, никогда не было статьи «содержание пленных». А куда же девались пленные? Говорили, что к западу от города Полумесяца лежит пустыня, где камни и песок навеки окрашены в тёмно-красный цвет крови. Когда поднимается ветер, слышны стоны и плач, словно это город, где заточены десятки тысяч злобных духов — мрачный и леденящий душу.

Сановники часто подавали доклады, увещевая императора. Они мягко намекали, что хотя третий принц и стяжал великие военные заслуги, убивать пленных — дело не слишком человеколюбивое.

Лян Юй, восседая на троне, безразлично спросил:

— Убийство пленных... Кто из вас, почтенные сановники, видел это своими глазами?

Внизу воцарилась гробовая тишина. Северо-запад — суровый край, вечно полыхающий войнами, кто ж туда поедет? Но ведь принц никогда не запрашивал у двора средств на пленных — это же факт?

Лян Юй терпеливо разъяснил:

— Потому что мой младший брат, печётся о скудости казны, все эти годы экономит и содержит тех пленных на своё жалованье.

Объяснение это было столь же фантастичным, как если бы пленные могли жить, питаясь одним лишь северо-западным ветром. Но раз уж Сын Неба так изрёк, большинство сановников благоразумно прикусили язык. Лишь один упрямец продолжал горланить:

— Однако жалованья принца, кажись, далеко не хватит на содержание стольких пленных.

— О, так вы, господин Цянь, ведаете, что это — крупный расход? — Лян Юй приподнял веки и с превеликим благодушием взглянул на него. — Что ж, тогда пожертвуйте своё годовое жалованье, дабы помочь принцу.

Господин Цянь: «...»

Остальные господа, почуяв неладное, поспешили под благовидным предлогом ретироваться.

Когда вокруг никого не осталось, Лян Юй стёр с лица фальшивую улыбку, выхватил кисть и в ярости начертил: «Побольше бы поменьше мне проблем!»

Написав, запечатал красным воском, присовокупил телегу золота да тридцать бочонков вина и отправил со скоростью ночного ветра в Северо-западный военный лагерь.

Караван с грохотом покинул Королевский город, и всем стало ясно: благоволение императора к князю Сяо написано у того на лице крупными иероглифами.

С тех пор никто не смел пикнуть.

Лю Фушу считал, что такой человек, хоть и был грозой на границах, но как только речь заходит о женитьбе и семейной жизни, оказывается слегка... Ладно, не слегка. Совершенно, абсолютно не подходит.

Лю Наньюань, выслушав, тоже ощутила, будто гром среди ясного неба. Она-то всегда мечтала выйти за хлипкого да учтивого юношу, а тут вдруг — кровожадный душегуб. Пропасть между мечтой и реальностью оказалась столь велика, что она, сжимая в руке платок, бросилась к закадычной подруге выплакаться. Выплакавшись, домой возвращаться не захотела и забилась в чайную слушать сказителя.

К вечеру Лю Сюаньань, помахивая своим веером, неспешно пришёл за сестрой.

Что поделатъ — в доме лишь он один был бездельником.

Лю Наньюань, ухватив брата за руку, принялась жаловаться:

— Почему именно я должна за него выходить?

Лю Сюаньань поддержал:

— Да, почему именно ты.

Лю Наньюань продолжила:

— Говорят, он людей режет, словно репу.

Лю Сюаньань счёл это нормальным — защита рубежей не похожа на истории сказителей, где вечно весна да осень, соловьи да ласточки. Но объяснять сестре он поленился, лишь невнятно промычал в знак согласия.

Дойдя до самого горького, Лю Наньюань уже на глазах слёзы наворачивала:

— Второй брат, скажи, будь ты на моём месте, будь тебя выдают за принца, что бы ты сделал?

— Будь я на твоём месте и будь я выдан за такого человека... — Лю Сюаньань задумался. — Пожалуй, в озеро бы прыгнул.

Ведь с тех пор, как он прыгнул в озеро, родители о переписывании книг и не заикались.

Лю Наньюань понизила голос:

— Помогает?

Лю Сюаньань, опираясь на личный опыт, кивнул:

— Помогает.

— Отлично! — Лю Наньюань хлопнула ладонью по столу. — Выберу-ка я благоприятный день да в озеро сигану!

В углу неподалёку другая компания слушала, разинув рты... В особенности остолбенел заместитель командующего. Что же до самого Лян Шу, восседавшего рядом, то тот сохранял вид ленивой непринуждённости, грозные брови его были расправлены, а палец отстукивал по краю чашки в такт рыбацкой песне за окном — словно он вовсе и не слышал разговора соседних брата с сестрой. На юг он прибыл не по военным делам, а потому тяжёлых доспехов не надевал. Император же, полагая, что на смотрины надо являться в человеческом облике, велел срочно сшить десять новых нарядов. Облачившись в один из них, с золотой короной на чёрных как смоль волосах, в переливающимся чёрном халате, да с длинным мечом в руке, Лян

Шу выглядел столь же статно, как знатный молодой господин, выехавший на прогулку. Не успел он в чайной и чашки чая опустошить, как перед ним упали уже три платка с вышитыми утками-мандаринками.

Вся эта компания как раз направлялась в город Белого Журавля на встречу с Главой поместья Лю, ибо император свято верил, что это — потрясающий, небывалый союз, и непременно хотел, чтобы его холостой брат воочию узрел госпожу Лю.

Лян Шу: «Ваш подданный брат...»

Лян Юй: «Военные расходы — пополам.»

Лян Шу: «Завтра же отправляюсь в город Белого Журавля.»

Лян Юй: «Чудесно.»

По пути подчиненные взахлёб рассуждали: с такими-то заслугами, да с такой-то внешностью, разве наш принц не лакомый кусок где угодно? Вдруг госпожа Лю вгорится в него взглядом, вытащить не сможет, и жизнь положит, лишь бы за него замуж выйти? Как же тогда быть?

Ох, тревожно, очень тревожно.

И вот, на тебе, — тревожились зря. Барышня не просто не хотела — она готова была скорее в озере утопиться, чем за него замуж выйти.

Как неловко, как позорно!

Когда брат с сестрой Лю удалились, заместитель осторожно обернулся и принялся внимательно разглядывать Лян Шу с его едва уловимой усмешкой, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно более проникновенно и преданно:

— Так мы всё же в поместье Белого Журавля отправляемся?

Лян Шу отпустил край чашки и едва кивнул:

— Отправляемся.

Ночь опустилась, окутав весь город Белого Журавля шелестящим мелким дождём. На отсыревших каменных улочках дрожали отражения фонарей — тишина, что бывает лишь в Цзяннани.

Лян Шу сидел за столом, прикрыв глаза и неспешно внимая звукам дождя за окном. Яства на столе оставались нетронутыми. Видя, что пар вот-вот спадёт, заместитель поскрёб горло:

— Ваше Высочество...

— Убрать.

Заместитель: «...»

Звали его Гао Линь. С малых лет он околачивался в северо-западном военном лагере, с десяти лет топтал поля сражений, не раз был на волосок от гибели. Ныне и заслуги имел, и положение, вот только свету повидал мало — дальше города Полумесяца не выезжал. Потому-то Лян Шу и взял его с собой в поездку в цветущий Королевский город — желал добра. Кто ж

знал, что по пути подвохнется девица для смотрин.

Спустя мгновение Лян Шу открыл глаза:

— Ты собираешься глазеть на меня до рассвета?

Взгляд Гао Линя по-прежнему был прикован к лицу Лян Шу. Он и сам недоумевал: даже если отбросить положение и заслуги, разве одной этой внешности недостаточно? Никак не дойдёт до того, чтобы смерть предпочесть браку! Надо сказать, госпожа Лю — совсем глазастая. И не хочешь замуж — так не хочешь, зачем же в чайной реветь? Гляди-ка, моего принца теперь и еда не прельщает, совсем как брошенная жена в покоях затосковал.

Раздумывая так, он нарочито смягчил голос и с участием молвил:

— Будь я девушкой — ни за кого, кроме Вашего Высочества, не пошла бы.

Веко Лян Шу дёрнулось почти незаметно. Он поднял голову, а Гао Линь, входя в роль, тут же сделал томный, влюблённый взгляд. Пламя свечи колыхалось, отбрасывая сдвоенные тени. Лян Шу смерил его взглядом, почувствовав головную боль:

— Держись от меня подальше впредь.

Гао Линь хихикнул:

— Так хоть пару кусочков съешьте? Утка с корицей ничего. Съем — и сразу уйду.

Лян Шу скосил глаза на жирную утку на столе — аппетита всё не было. Как раз в этот момент за дверью появился гонец с письмом. На оттиске печати — серпик луны. Чэн Суюэ.

Она была названной сестрой Гао Линя и с рождения жила в военном лагере. В детстве, когда красоты не разберёшь, была дикаркой, что в грязи валяется. А выросла — день ото дня хорошела. Способная была: в бою — на коня, в мирное время — счёты, и готовить умела, и лечить. Вот только книг читала маловато, «чжи-ху-чже-е» толком не различала.

Гао Линь с недоумением развернул письмо:

— Вместо того чтобы в город Белого Журавля спешить, взяла да письмо, как учёный, написала... Ого! Да её похитили?!

Чэн Суюэ в этом послании весьма искусно изображала слабую и беззащитную барышню. Жаловалась, что, проезжая мимо горы Укрощённого Тигра, была похищена шайкой разбойников, и просила брата и третьего господина, получив письмо, немедля, ни дня не мешкая, лично явиться с золотом для выкупа.

Гао Линь не мог взять в толк: коли эти люди смогли Аюэ похитить, то уж ловкости им не занимать. Чего ж тогда разбоем промышлять? Да и лагерь на горе Укрощённого Тигра строить — там восемнадцать вершин кряду, опасных да крутых, древние деревья до небес, обезьяны на толстых лианах, словно призраки, целый день раскачиваются. Дождь пройдёт — даже камни плесенью покроются. Кто же, сытый по горло, там жить станет?

Лян Шу же сказал:

— Эти люди — не её соперники.

<http://bllate.org/book/16268/1464028>